

ФЁДОР МИХАЙЛОВИЧ
ДОСТОЕВСКИЙ,
НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
НЕКРАСОВ,
ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
ГРИГОРОВИЧ

КАК ОПАСНО ПРЕДАВАТЬСЯ
ЧЕСТОЛЮБИВЫМ СНАМ

**Федор Михайлович Достоевский
Николай Алексеевич Некрасов
Дмитрий Васильевич Григорович
Как опасно предаваться
честолюбивым снам**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158354

Аннотация

«Месяц бледный сквозь щели глядит Не притворенных плотно ставней... Петр Иваныч свирепо храпит Подле верной супруги своей. На его оглушительный храп Женин нос деликатно свистит. Снится ей черномазый арап, И она от испуга кричит...»

Содержание

I	4
II	8
III	15
IV	20
V	23
VI	28
VII	34
VIII	39

Д. В. Григорович,
Ф. М. Достоевский,
Н. А. Некрасов

Как опасно предаваться честолюбивым снам

«Лет за пятьсот и поболе случилось...»
Жуковский («Ундина»)

I

Месяц бледный сквозь щели глядит
Не притворенных плотно ставней...
Петр Иваныч свирепо храпит
Подле верной супруги своей.
На его оглушительный храп
Женин нос деликатно свистит.
Снится ей черномазый арап,
И она от испуга кричит.
Но, не слыши, блаженствует муж,
И улыбкой сияет чело:
Он помещиком тысячи душ

В необъятное въехал село.
Шапки снявши, народ перед ним
Словно в бурю валы на реке...
И подходит один за другим
К благосклонной боярской руке.
Произносит он краткую речь,
За добро обещает добром,
А виновных грозит пересечь
И уходит в хрустальный свой дом.
Там шинель на бобровом меху
Он небрежно скидывает с плеча...
«Заварить на шампанском уху
И зажарить в сметане леща!
Да живей!.. Я шутить не люблю!»
(И ногою значительно топ).

.....

.....

Всех величьем своим устрашив,
На минуту вздрогнуть захотел
И у зеркала (был он плешив)
Снял парик и... как смерть побледнел!
Где была лунолицая плешь,
Там густые побеги волос,
Взгляд убийственно нежен и свеж
И короче значительно нос...
Постоял, постоял – и бежать
Прочь от зеркала, с бледным лицом...
Вот, зажмуряясь, подкрался опять...
Посмотрел... и запел петухом!

Ухвативши себя за бока,
Чуть касаясь ногами земли,
Принялся отдирать трепака...
«Ай люли! ай люли! ай люли!
Ну, узнай-ка теперича нас!
Каково? Каково? Каково?»

.....

.....

И, грозя проходившей через двор
Чернобровке, лукаво мигнул
И подумал: «У! тонкий ты вор,
Петр Иваныч! Куда ты метнул!...»
Растворилася дверь, и вошла
Чернобровка, свежа и плотна,
И на стол накрывать начала,
Безотчетного страха полна...
Вот уж подан и лакомый лещ,
Но не ест он, не ест, трепеща...
Лещ, конечно, прекрасная вещь,
Но есть вещи и лучше леща...
«Как зовут тебя, милая?... ась?»
— «Палагеей». — Зачем же, мой свет,
Босиком ты шатаешься в грязь?»
— «Башмаков у меня, сударь, нет». —
«Завтра ж будут тебе башмаки...
Сядь... поешь-ка со мною леща...
Дай-ка муху сгоню со щеки!..
Как рука у тебя горяча!..
Вот на днях я поеду в Москву

И гостинец тебе дорогой
Привезу...»

II

Между тем наяву
Всё обычно шло чередой...

Но события таковы, что их решительно не видится необходимости воспевать стихами. В то время как в спальне не слышалось ничего, кроме носового деликатного свиста и не менее гармонического храпа, на кухне заметно уже было движение: кухарка, она же и горничная супруги Петра Иваныча, проснулась, накинула на себя какую-то красноватую кофту и, удостоверившись через дверную скважину, что господа еще спят, поспешно вышла, затворив за собою дверь задвижкою. Всегда ли она так делала или только на сей раз позабыла прицепить к задвижке замок, – неизвестно. Мрак неизвестности покрывает также причину и цель ее отлучки; известно только, что направилась она в который-то из верхних этажей того же дома. С достоверностию можно еще предположить, что отлучилась она искать соответствующей ее званию и наклонностям компании, потому что хотя был еще весьма ранний час утра, но по всей лестнице уже шныряли взад и вперед кухарки, лакеи и горничные, кто с кувшином воды, кто с коробкой угольев, и на всех этажах слышались громкие голоса, веселый визгливый смех и шарка-

ные сапожных щеток. Черная лестница играет важную роль в жизни петербургского дворового человека: на ней проводит он лучшие часы жизни своей, — часы, в которые пугливый слух его не напрягается беспрестанно: не звонит ли барин? а мысль, что барин может появиться нечаянно и схватить его за вихор прежде, чем успеет он подавить веселую улыбку и придать физиономии своей угрюмо-почтительное выражение, так далека, что он даже забывает, что у него есть барин. Здесь обсуживаются добродетели и недостатки господ; рассуждается о том, что такое барыня, и вольно льется песня про барыню, про которую так любит петь русский человек и про которую знает столько прекрасных песен; производится вслух чтение газетных объявлений. Объявления: «Нужен человек, для комнат, красивой наружности, высокого роста и с хорошим аттестатом», и тому подобные особенно интересуют слушателей и бывают поводом жарких продолжительных прений, иногда не лишенных интереса и для тех, кто не ищет места в лакеи. Наконец, любезность дворового человека, столь ему свойственная, разыгрывается здесь во всем просторе своем.

Но будет об лестницах. Не прошло пяти минут по уходе кухарки, как дверь тихонько скрыпнула и в кухню осторожными шагами вошел человек несколько измятой, но благонамеренной наружности, вроде тех благородно-бедных существ, которые если и просят милостыню, то не иначе, как по документу, напоминающему красноречием своим луч-

шие страницы тех произведений, которых расходилось по обширному нашему государству по сороку изданий:

«Преданный вам всеми силами души, благоговеющее перед вами человеческое существо, которое в настоящее время от невыносимых страданий, от смерти политики,¹ похоронив себя заживо, без средства удержать за собою былое доброе имя и даже самое право на звание человека... Пав ниц, молит кровавою слезою из гроба отчаяния помочь плачъ-доле горького бедовика...»

Несомненные признаки их – семь человек детей (непременно семь, ни больше ни меньше), мать на одре страдания, язык, несколько запинающийся при извещении, что третья сутки (тоже ни больше ни меньше) не было уже маковой росинки во рту, и других уверениях, и чувство собственного достоинства, стоящее тридцать пять копеек, потому что они непременно обидятся подачей меньше гривенника, на что, впрочем, благородство происхождения дает им полное право. Они очень хорошо знают дорогу к кабаку и могут сказать о себе, что в кабаках их знают

Впрочем, знают они много и других дорог. Если вздумается, входят в квартиру, и колокольчик у вашей двери, приведенный в движение их рукою, издает какой-то особенный, робкий и молящий, звук, как будто у него тоже семь человек детей и мать на одре страдания. Входят, иногда и не позво-

---

¹ ...от смерти политики. – Слово «политика» употреблено здесь в старинном значении: вежливое, учтивое обращение.

нив, а просто потрогав сначала ручку не запертой на замок двери, – и тогда входят с особеною осторожностию, и, если не встретят никого в первой комнате, на цыпочках пробираются во вторую, там в третью, – и вздрагивает и бледнеет какой-нибудь задумавшийся или заработавшийся господин, у которого человек ушел в лавочку купить четверку табаку, увидев перед собою как будто с неба упавшую, незнакомую и странную фигуру... Но особенно любят они навещать наезжающих в столицу художников, фокусников, всяких артистов и артисток – московских и заграничных, к которым являются обыкновенно с такими письмами:

«Милостивейший государь!

Есть несчастный сирота, обремененный малолетним многочисленным семейством, участь которого заслуживает сострадание всякого, имеющего душу, способную понимать бедствия ближнего. На расцвете лет он потерял добрую, кроткую мать и вслед за тем чадолюбивого отца – оставившего на его попечение семерых малюток. Перенося все страдания с христианским терпением, возвышающим душевное достоинство, он снискивает пропитание как помощью благотворительных лиц, так и самою работою, которая едва дает возможность поддерживать вверенное ему судбою семейство. Несчастный этот – податель сего письма. Я же, не имея чести знать вас лично и потому лишаясь права удостоверять преждевременно в истине моего к вам уважения, надеюсь, что вы, как артист,

понимающий душу угнетенных судьбою людей, не рассердитесь на меня за то, что я решился доставить вам торжество истинно христианское (крупными буквами): *помочь несчастному!* Десять, пять или даже рубль серебром пожертвовать семерым для вас ничего не составит, сирот же заставит пролить слезы благодарности как перед образом Христа-спасителя, так и перед общим покровом всех – пресвятой богородицей.

Я был постоянным свидетелем вашего торжества и, соглашаясь с единодушным отголоском просвещенной публики, повторяю еще раз (крупнейшими буквами): *вы великий артист!* О, признаюсь откровенно, душевно благодарил публику за прием, коим она почтила неожиданного дорогого гостя...

Христианское сострадание – не есть ли удел артистов? Помогите несчастному, и новый, спасительный подвиг увековечит ваше пребывание в Петербурге.

С душевным почтением и таковою же преданностию имею честь быть свидетелем вашего торжества» и пр.

Кто им пишет такие письма – бог знает. Но под ними обыкновенно читаешь подпись: генерал такой-то или генеральша такая-то, – каких, разумеется, сроду никто не слыхивал и каких не увидит и во сне даже благонамеренный человек, весь вечер, накануне Нового года, продумавший, как бы кого не забыть завтра поздравить?

Такой-то человек появился в кухне. Впрочем, может

статься, что он был и не совсем такой человек, о каких мы говорили, а просто такой, каких в Москве называют «ширяло», а в Петербурге «мазурик», то есть малый, с детских лет пристрастившийся к легкому промыслу и голодающий по трое суток, чтобы пополам со страхом и трепетом пропить в каком-нибудь «Полуденном» украденную вещь на четвертье; а может быть, он был просто забулдыга-лакей, два дня пропадавший от барина и чувствующий необходимость пред возвращением к нему хватить для куражу и не имеющий на что хватить, — кто бы он ни был, мы просто будем называть его таинственным незнакомцем.

Итак, по мере того как таинственный незнакомец обозревал кухню и укреплялся в уверенности, что в ней никого нет, лицо его теряло неопределенный оттенок, движения становились резче и самоувереннее... Он смело подошел к двери, ведущей в спальню, и, приложив ухо к скважине, долго и чутко прислушивался; затем он снял с себя рыжие, подбитые вершковыми гвоздями сапоги и поотворил несколько дверь, причем она предательски скрыпнула, что заставило его отшатнуться назад и простоять с минуту в неподвижном оцепенении. Но удостоверившись, что всё спало по-прежнему, он смело нагнулся вперед и, просунув голову в отверстие между дверными сторонками, начал обозревать спальню. Нужно полагать, что ему представилось здесь много привлекающих любопытство предметов, потому что, уже не колеблясь дольше, он решительно двинул вперед правую сторонку дверей,

переждал, пока скрып, произведенный этим движением, совершенно замолк – и смело вошел в спальню. Здесь он сел на покойные и мягкие кресла, потянулся и начал переодеваться... переодеваться из своего, как легко догадаться, не совсем покойного и красивого платья в платье Петра Ивановича. Нельзя не заметить, что переодевался он с достоинством и спокойствием человека, одевающегося в собственное платье и только несколько поспешающего, из опасения опоздать на службу. Петр Иванович обладал значительной полнотою, какой в известные лета достигает всякий благомыслящий человек: таинственный же незнакомец был очень тощ, – почему, поправив чуб перед зеркалом, он захватил кстати со стола два подсвечника из накладного серебра, которые для лучшего сбережения счел нужным завернуть в платье Федосьи Карповны, после чего так их спрятал, что тотчас же стал походить на Петра Ивановича, ибо очутился с преизрядным солидным брюшком. На возвратном пути от кровати, с погоня которой сдернуто было платье, незнакомец захватил карманные часы (Петр Иванович был человек аккуратный и, опасаясь опоздать на службу, клал обыкновенно подле себя часы) с позолоченной цепочкой, надел их на себя и поспешил к другому зеркалу, где, полюбовавшись на себя, опять мимоходом захватил два подсвечника. Запрятав их в карманы, он начал шарить по всем углам и прибирать с неимоверною быстротою все мелкие вещицы, какие попадались под руку...

III

Сон причудлив и странно жесток. Часто после великолепной перспективы всего, чем со временем должна увенчаться благонамеренность, человеку, как бы он ни был добродетелен, вдруг, ни с того ни с другого, что-нибудь такое приснится, чего он никак не может пропустить, не закричав тотчас же, что он в штрафах и под судом не бывал и никаких мыслей, противных правилам нравственности, в душе своей не питал...

Петру Ивановичу вдруг приснилась какая-то девушка в шапке, под которой (не под шапкой, а под девушкой) были подписаны два стиха:

А девушке в семнадцать лет
Какая шапка не пристанет?²

которые он когда-то услышал, проходя мимо растворенного окна, – откуда валил густыми волнами табачный дым, летели на улицу слова и виднелись веселые и раскрасневшиеся лица каких-то молодых людей, – и которые у него потом целые три месяца не могли выбиться из головы: писал ли он, рассказывал ли, какую верную игру проиграл в преферанс

---

² *А девушке «...» не пристанет?* – Цитата из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» (песнь 3).

или какую неверную выиграл, шел ли в департамент, из департамента, обедал ли – всё они на уме – так вот и шумят, и вертятся, и егозят-егозят в голове, как будто кроме их уже и нечему прийти в голову. И чем больше старался он от них отделаться, тем упорнее они его преследовали. С ними засыпал он, с ними просыпался, нередко отвечал ими на вопрос совсем не об шапках и девушках, беспрестанно шептал их про себя, даже писал верхними зубами на нижних, даже однажды испортил лист гербовой бумаги рублевого достоинства, включив их совершенно некстати в прошение одной вдовы, приносившей жалобу на какого-то нахлебника-семинариста, похитившего у ней клубок ниток, которые будто бы намотаны были на сторублевую ассигнацию. Словом, от проклятых двух стихов (бывших, между прочим, причиной ненависти его к стихам вообще) ему уже приходилось тошно жить на свете. Но наконец он от них отделался же, и теперь ничего! – девушка в шапке, да притом и не дурная собой, – весьма и весьма ничего! Худо то, что вслед за нею приснился ему какой-то человек с огромными усищами, с решительным выражением в лице и в таком непостижимом костюме, какого он не только никогда не видал наяву, но даже потом весьма удивлялся, как подобные костюмы могут сниться порядочным людям во сне.

Испуганный, он поспешил залепетать, что он ничего, человек женатый и в правилах тверд; что, впрочем, он никаким оружием владеть не умеет, потому что французского бле-

сящего образования с фехтованьями, танцами и всякими модными пустыми затеями, разворащающими, ко всеобщему прискорбию, нынешних молодых людей, не получил и даже не жалел о том, ибо, благодаря бога, родился в такой стране, где и без шарканья по паркетам, одною благонамеренностию и честным трудом, даже при посредственном достатке, можно приобрести всеобщее уважение; а что, впрочем, он опять-таки ничего, идет своей дорогой и просит только не мешать ему идти своей дорогой, так он и пройдет...

Но вышло, что и странный незнакомец – не беда; напротив, несмотря на невероятные сапоги, он оказался добрейшим малым, предложил сыграть в преферанс и проиграл в одну пулью по копейке восемь рублей серебром,³ так что Петру Ивановичу даже стало немножко совестно, и только тем мог он себя успокоить, что ведь на то игра, не умеешь играть, не садись, а взялся за гуж, так будь дюж...

Беда в том, что по уходе странного незнакомца, о котором Петр Иваныч остался такого мнения, что навещал его какой-нибудь путешествующий англичанин-чудак, которому некуда девать денег (об англичанах знал он вообще, что они большие чудаки), – беда в том, что по уходе странного незнакомца Петру Иванычу вдруг приснился весь департамент с шинелями, сторожами, половиками, столами, чернилицами, делами и начальником отделения. Вот началь-

---

³ ...проиграл в одну пулью по копейке восемь рублей серебром... – Пуля (пулька, франц. poule) – партия игры в преферанс.

ник отделения приподнялся с каким-то делом, подходит к нему и говорит «перепишите» совершенно таким голосом, как говорится простому писцу. «Хорошо-с; я вот дам Ефимову», – отвечает немного изумившийся Петр Иваныч, почтительно наклонившись. «Какому Ефимову? – говорит сурово начальник, – разве вы забыли, что Ефимову отдано ваше место, а вы за неисполнительность и соблазнительный образ поведения переведены на место Ефимова!..»

В ужасе проснулся Петр Иваныч, открыл глаза и прямо наткнулся ими на таинственного незнакомца, который, наклонившись, шарил в ящике комода. Приняв его за Ефимова, Петр Иванович, озадаченный, переполненный справедливым негодованием, в первую минуту не вскрикнул, не кашлянул, даже не шелохнулся, но, по какой-то особенной остроте чутья, таинственный незнакомец тотчас понял, что время прекратить посещение, и со всех ног кинулся вон... Тут только догадался герой наш, в чем дело...

Пяткой в ногу супругу толкнул,
Закричал: «Караул! караул!» –
И, вскочивши с постели в чем был,
За мошенником вслед поспешил,
Пробежал через сени – и вот
Незнакомца настиг у ворот.
Но тот ловко в калитку шмыгнул,
И опять. «Караул! караул!» –
Петр Иваныч свирепо кричит

И, в калитку ударившись лбом,
За злодеем вприскочку бежит,
Потирая ушиб кулаком.
И бежит он быстрее коня,
И босых его ног топотня
Отзывается резко кругом,
Словно брошенный вскользь по реке
Камешек...

IV

Петербургские летние ночи светлее петербургских зимних дней. Было еще очень рано, но уже совершенно светло; на улице пусто. Только по другую сторону тротуара шел какой-то парень в шинели, надетой в рукава, из-под которой на целую четверть высовывался пестрядинный халат; парень раскачивался во всю ширину тротуара и, увидев бегущих, радостно закричал: «Держи! держи!» – после чего остановился и долго смотрел на них, произнося по временам ободрительные восклицания: «Ишь как улепетывает!», «Молодца! молодца!», «Вот люблю!» – очевидно относившиеся к таинственному незнакомцу, который, говоря охотничим термином, ежеминутно отседал от преследователя своего дальше и дальше. Между тем крик Петра Ивановича был услышан еще двумя лицами, которых мы не хотим назвать.⁴ Первое, уже давно и таинственным незнакомцем и Петром Иванычем оставленное позади, отошло несколько вперед и, наблюдая за бегущими, говорило: «Ишь шельма! ишь шельма! ишь шельма!» Второе флегматически вышло на средину улицы, постояло с минуту в нерешительности, задумчиво понюхало табаку и с решимостью принялось переходить другую половину улицы, торопясь поспеть на тротуар так,

⁴ ...еще двумя лицами, которых мы не хотим назвать. – Имеются в виду будочки.

чтоб угодить прямо на переем таинственному незнакомцу. Второе лицо действительно поспело в пору, но бегущий решительно не обратил на него внимания и только, пробегая мимо с криком «Эх-ма!», сильно толкнул его в плечо, отчего оно тотчас повалилось на тротуар, к немалому смеху веселого парня и первого лица, издали наблюдавшего сцену. Через минуту приспел и Петр Иваныч, запнулся за поверженного и тоже упал, но тотчас же вскочил, сгоряча не почувствовав ушиба, и побежал снова. Дважды пораженный приподнялся, взглянул за бегущими и, сказав: «Есть сила», – медленно отправился на старое место... Между тем таинственный незнакомец уже достиг конца улицы и повернулся... куда? в которую сторону?... Петр Иваныч не видел, и потому хотя и продолжал бежать, но уже медленно и нерешительно, как человек, потерявший путеводную звезду свою. Вдруг с конца улицы, до которого не достиг еще Петр Иваныч, показались дрожки, называемые пролетками, то есть такие дрожки, на которые садятся, когда желают сбечь ребра и спину. В дрожках сидел одетый в пальто господин с веселым лицом, доказывавшим, что преферанс, с которого, очевидно, он возвращался, был для него счастлив: лицо просто сияло. Завидев бежавшую встречу ему странную фигуру, господин в пальто рассмеялся, а потом начал пристально вглядываться в нее, и вдруг на лице его выразилось глубокое изумление. Он как будто не верил глазам своим.

– Здравствуйте, Петр Иваныч! – сказал он несколько иро-

нически, когда дрожки подъехали на довольно близкое расстояние к нашему герою.

Петр Иваныч поднял голову, взглянул и, побледнев как полотно, отвернулся в сторону и побежал шибче.

Но сидевший в дрожках снова повторил: «Здравствуйте, Петр Иваныч!», – и в голосе уже не было прежней благосклонной мягкой иронии, он звучал резко, в нем слышалось приказание, – так что Петр Иваныч увидел себя в необходимости остановиться и поспешно понес руку к голове, но, убедившись в невозможности снять с нее что-нибудь, ибо на ней не было даже парика, принужден был ограничиться поклоном. Поклон был такой, какие свидетельствуются только начальникам, из чего и можно с достоверностью заключить, что господин в пальто был его начальник.

– Что это вы... в такую пору... в таком виде... танцуете?...

– Танцую, – мог только проговорить дрожащим голосом дрожащий Петр Иваныч, не привыкший с детских лет противоречить старшим...

Опомнившись, он ничего не слыхал уже, кроме стука удалявшихся дрожек и веселого заливного хохотанья, от которого мороз пробежал у него по жилам...

V

«Клянусь звездою полуночной⁵
И генеральскою звездой,
Клянуся пряжкой беспорочной⁶
И Не безгрешною душой!
Клянусь изрядным капитальцем,
Который в службе я скопил,
И рук усталых каждым пальцем,
Клянуся бочкою чернил!
Клянуся счастьем скоротечным,
Несчастьем в деньгах и в чинах,
Клянусь ремизом бесконечным,⁷
Клянуся десятю в червях, –
Отрекся я соблазнов света,
Отрекся я от дев и жен,
И в целом мире нет предмета,
Которым был бы я пленен!..
Давно душа моя спокойна

---

⁵ «Клянусь звездою полуночной... – Комическая перелицовка монолога Демона «Клянусь я первым днем творенья...» из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» (ч. 2, гл. 10).

⁶ Клянуся пряжкой беспорочной... – Пряжка – наградной знак за беспорочную чиновничью службу.

⁷ Клянусь ремизом бесконечным... – Ремиз (фр. remise) – в карточной игре недобор установленного числа взяток и штраф за этот недобор.

От страстных бурь, от бурных снов;
Лишь ты любви моей достойна –
И век любить тебя готов!..
Клянусь, любовию порочной
Давно, давно я не пытал
И на свиданье в час полночной
В дезабилье не выбегал...⁸
Кого еще с тобой мне надо?...
Тобой одной доволен я, –
Моя любовь! моя отрада!
Федосья Карповна моя!..»

Он умолк и, «как юный дуб, низринутый грозой», пал к ногам супруги своей.

Но она была неумолима.

– Не поверю! Уж что ты мне ни tolkui, не поверю! Изменник! человеконенавистник! чудовище!

И она зарыдала, а потом впала в совершенное отчаяние и била себя в грудь, повторяя:

– Ах я несчастная! несчастная! несчастная!.. До какого сраму дожила я, несчастная!.

– Я, ей-богу-с, ни в чем не виноват, Федосья Карповна!

Он действительно был ни в чем не виноват, что могут подтвердить и читатели. Намерения его были чисты, даже похвальны: он хотел настичь похитителя и отнять у него свои вещи. Федосья Карповна перетолковала всё совершен-

⁸ В дезабилье не выбегал... – Дезабилье (франц. *deshabille*) – домашнее платье.

но иначе Проснувшись от толчка в ногу и не нашед подле себя супруга, она прежде всего вскричала: «Изменник!» Чрез минуту, удостоверившись, что и платья на обычном месте не было, — обстоятельство, не оставлявшее ни малейшего сомнения, что изменник ушел на свидание, — с громким воплем упала она на подушку и воскликнула: «Ах я сирота горемычна!» Потом вскочила и бросилась туда, где вечером оставила платье, но его, как мы знаем, там не было; недолго думая, куда бы оно могло деваться, — ибо женщина в припадке ревности, по уверению опытных людей, лишается всякой способности рассуждать, — она с минуту металась по комнате, но, не нашед ничего, во что бы можно одеться, кроме оставленной таинственным незнакомцем шинели, накинула ее на себя и бросилась вон. Руководимая всё тем же инстинктом ревности, она пустилась по тому направлению, по которому таинственный незнакомец увлек за собою Петра Ивановича. Петр Иванович в то время возвращался уже домой, перепуганный, убитый, весь с головы до ног синий от холода и разных ушибов. Встреча их была страшная; было не много сказано, но успела разыграться трагедия.

Они молчали оба...⁹ Грустно, грустно
Она смотрела. Взор ее глубокий
Был полон думы. Он моргал бровями

---

⁹ *Они молчали оба...* — Пародия на стихотворение Я. П Полонского «Встреча», впервые напечатанное в его сборнике «Гаммы» (М. 1844).

И что-то говорить хотел, казалось,
Она же покачала головой
И палец наложила в знак молчанья
На синие трепещущие губы...
Потом пошли домой всё так же молча,
И было в их молчанья больше муки
И страшного значенья, чем в рыданьях,
С которыми бросаем горсть земли
На гроб того, кто был нам дорог в жизни,
Кто нас любил, быть может. У ворот
Они кухарку встретили. Кухарка
Смутилась. В ней, быть может, сжалось сердце.
И долго изумленными глазами
Она на них смотрела, но ни слова
Они ей не сказали... Да! ни слова...
И молча продолжали путь... и скрылись...

Но как только переступили они порог спальни, Федосья Карповна тотчас повернула ключ в замке, и узнать, что тут происходило в первые минуты, авторы решительно не имели никакой возможности, ибо, к крайнему их сожалению, и самые ставни оставались по-прежнему закрыты, так что нельзя было даже ничего подсмотреть. Впрочем, можно догадываться, что тут происходила драма в пяти или даже в шести актах, с эпилогом, – в какой не дай бог участвовать женатому читателю! Но достоверно известно только, что тщетно уверял Петр Иванович Федосью Карповну в своей невинности. Какие ни приводил он доказательства, все они обра-

щались на его же голову. Федосья Карповна упорно стояла на том, что ее платье и прочие вещи стащил Петр Иваныч к мерзавке, своей любовнице, а сам очутился на улице без платья потому, что его раздели мазурики, когда он возвращался от мерзавки, своей любовницы, и что, наконец, лохмотья таинственного незнакомца сам же он, Петр Иваныч, подкинул, купив на рынке, чтоб отвлечь от себя всякое подозрение в случае какой-нибудь неудачи. Как ни нелепо было такое предположение и как ни клялся Петр Иваныч (а он клялся всем дорогим для него в жизни) – ничто не помогло. Не помогло даже и последнее очень сильное доказательство, что парик оставался дома, а невероятно и ни с чем не сообразно, чтоб нуждающийся в парике человек позабыл на дать его, идучи на свидание любовницей. Ничто не помогло! Таково уже было расположение мыслей Федосьи Карповны. Ревность рвала ее душу на части. К тому же и кухарка, обрадовавшись слуху, решительно утверждала, что ни на минуту не выходила и никто к ним не входил и что хоть и слышались ей впросонках из спальни какие-то шаги, но, рассудив, что оттуда некому выходить, кроме барина или барыни, она не сочла нужным встать и посмотреть... Хоть герой наш звался совсем не Макаром, но мы не можем здесь не заметить, что на бедного Макара и шишки валятся!

VI

Вот уже и девять часов, время, в которое, бывало, Петр Иваныч, спокойный и счастливый, хлебнув два-три стакана чайку, поцеловав жену, поцеловав дочь, с портфелем под мышкой, отправлялся, несколько согнувшись, смиренным, никого не оскорбляющим, но и не вовсе чуждым самостоятельности шажком в свой департамент... Но не одевается, не пьет даже чайку, не целует жены и дочери и не идет в департамент растерявшийся Петр Иваныч. Мрачно у него на душе; при одной мысли, что надо идти на службу, мороз пробегает у него по коже, от макушки до пяток. Вся жизнь – от сеченья и греческих спряжений в детстве, голоданья и переписывания в юности до последнего недавнего распеканья – проходит перед его глазами, – и ничего, кроме смиренномудрия и вечной беспредельной покорности – не видит он в ней; хоть бы слово когда грубое какое сказал, хоть бы недовольную мину выразил на лице – никогда! никогда! Даже покушения на что-нибудь подобное за собой не запомнит! Чист, чист! со всех сторон, как ни поверни, чист! И между тем сердце болезненно съеживается от страха, как будто преступление какое-нибудь совершил человек, как будто начальнику нагрушил! «Что скажет начальник отделения!» – думает Петр Иваныч (несомненно, что господин, ехавший на дрожках, был его начальник отделения). «Что скажет начальник отделе-

ния?...» – думает он, большими шагами расхаживая по комнате, и никак не может решить, что скажет начальник отделения, хоть и предчувствует, что он скажет что-то страшное, что-то такое страшное, отчего мало поседеть в один час, отчего мало даже провалиться сквозь землю... И ни убеждение в своей невинности, никакие размышления, никакие доводы ума – ничто не утешает безутешного Петра Иваныча! «Да уж не подать ли мне просто в отставку, – думает он, – так даже и не являться, а просто подать в отставку, и конечно, а покуда выйдет отставка, тиснуть в «Полицейской газете»,¹⁰ что вот так и так, дескать, чиновник с одобрительным аттестатом...» Тут он на минуту запнулся... «Ведь уж мне, верно, дадут аттестат одобрительный? – продолжал он с некоторым смущением, – что ж? служил я не хуже других, не хуже других, сударь ты мой, в штрафах и под судом не бывал, злоделателей, благодаря всевышнего, не имею... подал в отставку... ну, что ж? Вышел случай такой, с кем не случается!.. просто случай вышел такой... Так вот оно хорошо было бы публиковать, что вот де чиновник с одобрительными аттестатами, титулярный советник, – я думаю, даже не худо будет выставить: имеющий такие-то и такие-то знаки отличия... Так вот, мол, такой-то и такой-то чиновник, имеющий такие-то и такие-то знаки отличия, хороший чиновник, дескать, благонадежный чиновник, ищет места управляюще-

---

¹⁰ ...в «Полицейской газете»... – Имеются в виду «Ведомости С.-Петербургской городской полиции».

го имением, преимущественно в малороссийских губерниях, на выгодных, дескать, для владельца условиях... Да! да! В малороссийских губерниях лучше – климат теплее, да и народ-то попроще... народ-то попроще, вот оно что, главное дело, сударь ты мой, народ-то попроще, вот она штука-то какая! А поди-ка сунься в Костромскую, в Ярославскую... ух! шельма на шельме! Всякий мужик, туда же, грамоте знает и на каждом синий армяк... на каждом, на шельмце-то, синий армяк, вот оно что, вот она штука-то какая, вот она какая штука-то! Избалованные губернии! Нет, вот бы где-нибудь в малороссийских, примерно в Полтавской; три-четыре тысячонки душ, с мельницами, с фруктовыми садами, со всеми угодьями, с господским строением; а барин-то себе где-нибудь за тридевять земель, в Москве, в Петербурге, в Париже... а барин-то себе в Москве, а барин-то в Петербурге, а барин-то себе в Париже, барин-то себе за тридевять земель, как в сказке говорится, как в русской-то сказке сказывается... Ух! раздолье-то! раздолье...» Тут Петр Иваныч потер руки от удовольствия, потому что уже, в самом деле, почувствовал себя управляющим такого имения, – на что русский человек очень скор... «Да только та беда, – продолжал он, вдруг опомнившись и вновь совершенно опешив, как человек, съевший муху, – да только та беда, что никто не возьмет, за фамилию никто не возьмет... Управляющий! уж в одном слове сейчас слышится немец, какой-нибудь Карл Иваныч Бризенмейстер, или еще помудреней, так, чтоб мужик и по-

думать не смел выговорить как следует, чтобы у него язык поперек глотки стал. Ведь вот, будь немецкая фамилия, хоть подобие немецкой фамилии будь... а то — Блинов! на вот тебе в самый рот — блинов! горячих блинов! подавись!...» И здесь герой наш в первый раз в жизни пожалел, что у него русская фамилия, чему он сорок лет с лишком постоянно был рад и даже благодарил бога, что и оканчивается она на *ов*, а не на *ский*. «Да опять и то, — продолжал размышлять наш герой, — осанки такой не имею, осанки, соответствующей званию управителя, не имею, вот она какая беда, вот она беда-то какая надо мной, горемычным, осанки, соответствующей званию, не имею, не имею осанки, званию управителя соответствующей, совсем осанки такой не имею. Наш брат и смотрит-то, как будто всё чего-то боится, и идет-то, как будто просит прощения у половиков, которые недостойными ногами своими попирает, и в лице такое подобострастие, такое подобострастие, что и сказать нельзя, никак нельзя сказать, недостанет слов, как говорится в хорошем слоге, на языке человеческом... вот оно что! вот оно какое дельце-то! вот оно дельце-то казусное какое! Ну, уж известно: по какой части пойдешь, с тою и степень значения в лице своем соразмеряешь... степень-то значения с положением своим в свете соразмеряешь... А тут надобно, чтобы орлом глядел человек, чтоб па лице было написано, что ему и черт не брат, чтобы действовал смело, решительно, на открытую ногу действовал бы, и умел бы этак с откровенностию, не лишенною

благородства, и словцо-то крепкое кстати пригнуть, ну и там что другое... Вот оно что! Чтобы как выйдет да заговорит ломаным своим языком, так чтобы мужик на него и взглянуть не смел, а только бы кланялся в пояс да говорил: „Слушаю, батюшка Карл Иваныч!..“ Нет, где нашему брату!.. Разве уж заняться хождением по делам...» Но и хождение по делам оказалось неудобным. Думал, думал Петр Иваныч и покончил тем, что, как ни вертись, службу оставить невыгодно, розорительно, словом, неблагоразумно во всех отношениях. Итак, скрепя сердце решился он идти в департамент. Будь что будет! Может, и никакой беды нет, может, ему только так показалось, а в сущности ничего! Наконец, он даже дошел до заключения, что, может быть, оно даже и хорошо, что начальник его увидел на улице, пожалуй, чем черт не шутит, примут участие, вспомоществование единовременное дадут. «Да! да! – повторял Петр Иваныч, – оно в самом деле даже и хорошо», – и между тем чувствовал, что мороз подирает по коже. Три дня употреблено было на залечивание разных ушибов и синих пятен и на утверждение себя в благородной решимости не унывать, помнить, что испытания ниспосылаются нам в плачевной юдоли сей для возвышения душевного мужества и что не нужна бы человеку и бессмертная душа, если б он уничтожался и падал перед несчастием. На четвертый день решено было идти на службу. Но здесь на Петра Иваныча напал такой страх, что он буквально не мог сдвинуться с места и несколько часов, совсем готовый, умытый,

выбрить, во фраке, с портфелем под мышкой, сидел как прикованный к стулу, бессмысленно смотря на три какие-то головы, державшие компанию у противоположных ворот.

Когда опомнился он, был уже двенадцатый час. «Поздно! – сказал он себе с тайной радостью. – Видно, уже завтра!» – и в ту же минуту схватил шапку, надел шинель, калоши и выбежал на улицу Бежал он чрезвычайно скоро, ни на что не обращая внимания, даже не заглядывая в окна, хотя и любил заглядывать в окна и знал, что, заглянув в окно, иногда можно увидеть много хорошего.

Бежал он на службу...

VII

В десятом часу того дня, утром которого происходило событие, описанное в четвертой главе, Степан Федорыч Фарабонтов, пришед в должность, направился прямо к столу, где обыкновенно сидел Петр Иваныч, чтобы расспросить его о ночном приключении и, по долгу службы, порядком распечь его. Но Петра Иваныча, как мы знаем, там не было. Так как воспоминание вчерашнего выигрыша всё еще держало его в веселом расположении духа, то, подошед к экзекутору и спросив о здоровье, весьма комически рассказал он ему странную встречу с Петром Ивановичем, особенно распространившись насчет удивительного танца, в котором упражнялся Петр Иваныч, и насчет арии, кажется из «Соннамбулы»,¹¹ которой сопровождал он свои живописные па, после чего оба, и рассказчик и слушатель, долго смеялись, пожимая плечами. Степан Федорыч рассказывал не так тихо, чтоб его никто не мог слышать, кроме экзекутора, а потому история Петра Ивановича сделалась тотчас известною и еще двум-трем чиновникам. Те, в свою очередь, передали ее с

---

¹¹ ...из «Соннамбулы»... – «Соннамбула» (1831) – опера итальянского композитора В. Беллини (1801–1835), входившая в 1840-х годах в постоянный репертуар петербургской Итальянской оперы. По свидетельству приятеля Достоевского, врача С. Д. Яновского, писатель в молодые годы восхищался «Нормой» – другой оперой этого композитора, где главная партия исполнялась итальянскими певцами Д. Борзи и А. Гризи.

надлежащими дополнениями соседям своим, и таким образом случилось, что историю Петра Иваныча в полчаса узнало всё присутственное место, где служил наш герой... К вечеру узнал ее и весь город, и несколько дней сряду в Петербурге только и говорили о танцующем чиновнике исполнинского роста, с лошадиными копытами вместо обыкновенных человеческих ступней. Нетрудно представить, с каким нетерпением ждали его товарищи, сколько произошло толков и предположений и как выросла, украсилась и изменилась самая история. Но прошел день, прошло два, прошло три, вот уже наступил и четвертый, а Петра Иваныча нет как нет. Любопытство возросло до высочайшей степени.

И вот на четвертый день часу в первом, в минуту всеобщего почтительного молчания, водворившегося по случаю появления самого начальника, который, указывая на дело, толковал что-то с большим жаром Степану Федоровичу, внимавшему начальническим речам с почтительным наклонением головы, — в такую-то торжественную минуту дверь из прихожей вдруг отворилась и появился герой наш. Как ни сильно было уважение подчиненных к начальнику, но естественное движение одолело и прорвалось на всю комнату глухим сдержаным смехом, — как будто вдруг чихнул табун лошадей. Естественно, что начальник с недовольным видом спросил о причине такого неуместного взрыва. Степан Федорыч поднял голову, потому что и сам еще не знал, что бы значила подобная дерзость, но, встретив жалкую фигуру Петра

Иваныча, подобно подчиненным своим не мог удержаться от смеха.

Начальник повторил свой вопрос.

Перетрухнувший Степан Федорыч почувствовал необходимость оправдаться и оправдать своих подчиненных. Для такой цели он не нашел ничего лучше, как рассказать в подробности историю Петра Ивановича, П тотчас рассказал ее, постаравшись не столько о строгом соблюдении исторической достоверности, сколько о том, чтоб от нее действительно нельзя было не захочтать, – в чем и успел совершенно, ибо, по мере изложения событий, лицо слушателя прояснялось, а когда дошло до описания странного танца, в котором упражнялся Петр Иванович, и сопровождавших его мотивов из «Лучии»,¹² слушатель уже решительно не нашел в себе сил сохранить строгое выражение почтенной своей наружности и сам засмеялся…

Но смех его, как легко догадаться, был непродолжителен. Приняв строго-решительное выражение, он подошел к Петру Иванычу, оцепеневшему у дверей, и сказал медленно, важно, делая ударение на каждом слове:

– А что скажете вы?

Но Петр Иваныч не мог ничего сказать, хотя и заметно было, что он хотел что-то сказать…

---

¹² ...мотивов из «Лучии»... – «Лючия ди Ламмермур» (1835) – опера итальянского композитора Г. Доницетти (1797–1848), также входившая в постоянный репертуар петербургской Итальянской оперы.

Тогда начальник, основательно думая, что к пресечению подобных зол должно принимать меры при самом их зародыше, счел нужным распространиться и показать Петру Иванычу всё неприличие его поступка. Он сказал ему, что звание и самые лета не давали ему права на такое дело; что танцевать, конечно, можно, но в приличном месте, и притом имея на себе одежду, принятую в образованных обществах Европы, которая, по образованию, может вообще почтеться первою из всех пяти частей света. Он сказал ему (и, по мере того как он говорил, в голосе его возрастала энергия и наружность более и более одушевлялась), что подобные пассажи простильны только грубым и невежественным дикарям, не знающим употребления огня и одежды, да и те (присовокупил он) прикрывают наготу свою древесными листьями. Наконец, он сказал ему, что подобный поступок срамит не только того, кем сделан, но даже бросает нехорошую тень на всё звание, что звание чиновника почтенно и не должно быть профанировано,

Что чиновники то же, что воинство
Для отчизны в гражданском кругу,
Посягать на их честь и достоинство
Позволительно разве врагу,
Что у них все занятья важнейшие –
И торги, и финансы, и суд,
И что служат все люди умнейшие
И себя благородно ведут.

Что без них бы невинные плакали,
Наслаждался б свободой злодей,
Что подчас от единой каракули
Участь сотни зависит людей,
Что чиновник плохой без амбиции,
Что чиновник не щут, не паяц,
И не след ему без амуниции
Выбегать на какой-нибудь плац.
А уж если есть точно желание
Не служить, а плясать качучу,
Есть на то и приличное звание –
Я удерживать вас не хочу!

Так заключилась речь, имевшая вообще на присутствующих влияние сильное, но действие ее на Петра Иваныча было таково, что, может быть, ни в какие времена никакая речь не производила такого действия. Пораженный ею, из всех способностей, отпущенных ему богом, сохранил он только одну способность шевелить или, точнее, мялить губами, да и то делалось с величайшим усилием, и вообще в ту минуту герой наш, страшно синий, походил на умирающего, которому есть сказать нечто важное, но у которого уже отнялся язык...

Только очутившись на улице и глубоко втянув в себя струю свежего воздуха, почувствовал он, что еще жив.

VIII

«Корабль, обуреваемый
Волнами – жизнь моя!
Судьбою угнетаемый,
В отставку подал я,
Немало тут утрачено –
Убыток – и большой!
А впрочем, предназначено
Уж видно так судьбой.
И есть о чем печалиться.
Нашел чего жалеть!
Смерть ни над кем не сжалится –
Всем должно умереть!
Почетные регалии,
Доходные места,
Награды – и так далее,
Всё прах и суета!
Мы все корпим, стараемся,
Вдаемся в плутовство,
Хлопочем, унижаемся,
А всё ведь из чего?
Умрем, так всё останется!
На срок пришли мы в свет...
Чем дольше служба тянется,
Тем более сует.

Успел уж я умаяться
В житейском мятеже,
Подумать приближается
Пора и о душе!
Уж лучше здесь быть пешкою,
Чем душу погубить...
А впрочем, что ж я мешкаю?
Уж десять хочет бить!
Есть случай к покровительству!
Тотчас же полечу
К его превосходительству
Ивану Кузьмичу –
Поздравлю с именинами...
Решится, может быть,
Под разными причинами
Блохова удалить
И мне с приличным жительством
Его mestечко дать...
Не нужно покровительством
В наш век пренебрегать!..»